

# РАЙМОНД ПАУЛС



**С композитором и министром культуры Латвии Раймондом ПАУЛСОМ беседует обозреватель «МН» Владимир Емельяненко.**

**Е**сли французское государство — это Людовик XIV, то советская популярная музыка 80-х — это Раймонд Паулс. Его мелодии, как мелодии всякого талантливого композитора, стали лейтмотивом времени. Где теперь советская музыка — известно. А что происходит с самим Паулсом?

**МН:** Куда вы пропали?

— Я не пропал... Просто политическая ситуация, в которую я оказался втянут, разом поставила точку на музыке. Подтолкнула: надо вовремя уйти. Я честно отработал почти 30 лет и считаю, что самое большое искусство в популярной музыке — сознаться: «Все, пора»... Это я уже не о себе, для себя я все решил. Я говорю о других. Знаете, бывает больно видеть, как талант переживает самого себя. Что-то в этом есть трагическое: сказано все, а сцена не отпускает. Боюсь, что и я ее пленник. Вот опять написал 10 песен на русском языке. Попробую их записать и посмотрю, какое это вызовет эхо. Так что я не пропал. Я ушел от концертов.

**МН:** На ваш взгляд, что происходит? Давид Тухманов уехал за границу, талантливый композитор и аранжировщик Юрий Чернавский тоже оказался там, погиб Игорь Тальков, Алла Пугачева предпочла песням парфюмерный бизнес с французами, а поэт едва ли не раз в год на «Рождественских встречах». И, наконец, вы выбрали госслужбу. Музыкальная элита сама уходит или ее теснят?

— Все логично. Это раньше если кто взбирался на подмостки, то держался на них до пенсии, извините, пока оттуда не вынесут. Я, конечно, могу назвать примеры, когда и в 70 лет, и в 80 звезда не гаснет, но это единицы. А музыка, тем более то, что называют поп,— вещь коварная. Ей нужна постоянно обновляющаяся и массовая аудитория. Она молодеет. Я со своим стилем, отношением к сцене в этой компании чужой. Новой публике не нужен никто из прежних кумиров. Разве что Пугачева. Она из тех певиц, кто переживает себя и свое время.

**МН:** Я бы с вами согласился, если бы освободившуюся нишу занимали таланты. Пока же вакуум заполняют либо слащаво-провинциальные донжуаны, либо секс-машины. Это в лучшем случае. В худшем идет вал музыкального мусора.

— Мне тяжело на это смотреть безучастно. Вот вы сказали обидное — «мусор». Самое страшное, что его несут талантливые, порой очень талантливые люди. Они работают на самые низкие вкусы толпы, как работали мы в годы «певческой революции». В Латвии тогда была иллюзия просветительства: «поднять» народ до уровня зрелости интел-



НИКОЛАЙ ИВАНОВСКИЙ/АГ. СЕБЫ

**„... должна пройти эпоха или время должно устояться, прежде чем оно зажжет звездочек, способных сказать о нем нечто осмысленное ...“**

лигенции. В результате шквального ускорения, просветительской, как нам казалось, революции, наступила реакция отторжения — национализм. В музыке, особенно эстрадной, это обернулось беспределом. Я не хожу на концерты и не могу смотреть телевизор. Неодетые люди, как сегодня говорят, без комплексов, хрипя, выносят на сцену ночной горшок и преподносят это как авангард. И те, кто в свое время выступал за свободу, ничего не могут изменить — законы коммерции подменили свободу маскультурой. Это уже боль нового времени и моя: я не за это боролся.

**МН:** Получается застарелая российская болезнь: чтобы быть свободным, надо быть гонимым?

— ...Во всяком случае мы оказались не готовыми к азам нового времени. Раньше деньги играли свою роль, сейчас они решают все. Идеологизированная, я бы сказал, парадно-советская «Юрмала-1», где о свободе творчества говорить не приходилось, худо-бедно загла яркие звезды. Эта же, новая, словно коммерческий киоск... Я сидел в жюри и думал: «Мне не надо здесь быть». Людям дали свободу, казалось бы: творите. А они выставили на витрину яркий товар одноразового пользования. Я не вино конкурсантов, среди них были одаренные, но... время! Оно слишком светуно и безжалостно. Наверное, должна пройти эпоха или время должно устояться, прежде чем оно зажжет звездочек, способных сказать о нем нечто осмысленное. Тогда будет отсеян мусор, о котором мы говорили, а конкуренция за аудиторию позволит выжить профессионалам экстра-класса. Но до этого, боюсь, придется разгрести горы мусора.

**МН:** Если победит такой подход в искусстве, то побежденным окажетесь и вы как министр. Ваш пост будет не нужен.

— Я пришел на это место, чтобы уничтожить цензуру в искусстве и не вмешиваться в творчество. Но как к этому прийти, если в штатном расписании театра 200–300 человек, а из них актеров меньше ста? Стоило мне об этом заговорить, как я заимел массу врагов и кличку «ликвидатор». Я посчитал, куда идут деньги, — в месткомы, профкомы от культуры, филармонии, где 90 сотрудников и 1–2 приличных концерта в сезон. Противостоят этому? Начинается то, что назы-

вают «защитой» актера. Подождите: какого актера? То, что мы имеем, — это актер или он имеет диплом? Я хочу добиться простой вещи: пока ты собираешь своего зрителя — ты живешь в искусстве, нет — все. Меняй профессию.

Я знаю, какой шум вызвало мое решение закрыть рижский ТЮЗ. Вокруг этого сразу подняли национальный вопрос — русских преследуют. Я получаю письма, заявления из Петербурга, Риги, Москвы: «Министр культуры Латвии уничтожает культуру!» Я не уничтожал театр, а поставил точку в судьбе умершего театра. Кто-то это принял, кто-то обиделся. Им хотелось жить, ничего не меняя, когда на спектакли приходили четыре с половиной человека.

**МН:** Как же так: вы стали министром, чтобы не вмешиваться в творчество, а сами решаете, жив театр или он умер? Так поступают все чиновники от культуры.

— На днях в нашей опере был балетмейстер из Европы. Он просмотрел балерин: «Эту беру, эту беру...» А приму, самую талантливую, не взял. «Возраст, ноги не те», — потом объяснил. Кто он — художник или чиновник? Давайте все-таки не путать свободу, подразумевающую личный выбор и личную ответственность, с богдельней, где все хорошие и никто ни за что не отвечает. Да, я жесток, но отвечаю за это я. Сполна.

**МН:** В этом смысле даже к вам судьба беспощадна: народный артист СССР, которого в свое время и запрещали, и дозировали на сцене, сам закрывает театр. Наверяд ли случайно ваша судьба пересекается с российской: Раймонд Паулс не пускает российское посольство

## ДОСЬЕ «МН»

Раймонд Паулс, 55 лет. Известный латвийский композитор, джазовый пианист, дирижер, автор оперетт и эстрадных песен, организатор всесоюзного, а затем международного конкурсов эстрадной песни «Юрмала». После окончания Латвийской госфилармонии работал художественным руководителем поп-группы «Модо», главным режиссером телевидения, художественным руководителем и главным дирижером Гостелерадио Латвии. С 1988 года — министр культуры.

Женат. Жена Светлана, домохозяйка, занимается общественной деятельностью. Дочь Анета окончила режиссерский факультет Петербургского института театра, музыки и кино. Среди увлечений Раймонда Паулса — рыбалка и «люблю теряться в старых переулках Риги, особенно там, где я родился». Еще он любит латвийскую национальную кухню. «Но не деликатесы, — уточняет Паулс, — а простые рыбные и молочные блюда».

в дом, где мы сидим. В ее, России, частную собственность.

— Вот-вот... Это та проклятая политическая ситуация, от которой... ну, никуда. Как в западне. Я не хочу закрывать или не закрывать театр: если он мертв, сам это должен понять. Здание я не могу отдать или не отдать. Да, это немецкий торговый дом, купленный Россией. С одной стороны, мы признали, что частная собственность — это основа основ, а с другой — идет какая-то мышиная возня. Англии вернули посольство, США, Швеции — всем, России — нет. Я готов съехать хоть сегодня. И с российским послом мы об этом говорили, но на стыке не моя личность. Сначала должны договориться политики, а это уже срез накопленных обид и несправедливостей, за которыми теряется что-то хорошее, что было.

**МН:** Зачем вам эта ноша? Ведь вы самый богатый человек Латвии, могли бы жить иначе.

— Если раньше что-то у меня и было, то это превратилось в пыль в сравнении с тем, что сегодня зарабатывают мои коллеги. Да и был ли я богат? Жил чуть лучше в советском обществе, чем другие. Это был миг. А жизнь — 17 рублей за концерт плюс 2 рубля 50 копеек за соло. Та же работа, за которую взялся... Я думал, что смогу что-то изменить, но это она меня меняет.

**МН:** Но вы не первый. Этот путь прошли Юрий Соломин и Николай Губенко. Может быть, действительно художник теряет свой дар, становясь чиновником?

— Не мучьте меня. Я всего лишь хочу служить искусству, но в другой роли. Кто-то ее способен принять, кто-то — нет еще и потому, что мы не можем, не умеем уйти от системы отношений, которую осудили. Осудили, но продолжаем в ней жить. Этот мой подход страшно раздражает мою жену. Она у меня русская, но по-латышски говорит лучше, чем я. И настроена более патриотично, чем я. Такая ситуация. Перевертыши. В обществе то же самое: как уйти от всего русского и начать с «чистого листа», если культура России — часть общечеловеческой? Тот же Михаил Чехов работал в Риге. Латвийские музыкальные традиции — в Петербурге. Но что происходит? Мой народ страшно обижен. После освобождения от фашизма мы получили новую несвободу — советскую, а освободившись от нее через 50 подневольных лет, впадаем в новую — в несвободу от себя, в антирусскость. Создается целый слой. Мне он опасен. Эти люди негодуют: «Вы не дадите развивать свою культуру». А я не понимаю: как ее можно оторвать от общего культурного достояния? Посмотрите на оперу. «Кармен» — на французском, «Евгений Онегин» — на русском, «Паяцы» — на итальянском. Я не боюсь этого утверждения: настоящее искусство интернационально.

**МН:** И тем не менее вас называют Сталиным от культуры.

— Это я слышал. Но когда я говорю, что меня изменила новая работа, а не я ее, я отдаю себе отчет в том, что стал жестче к серости, беспощаднее к бездарям. И не жалею об этом. Это мой способ выкарабкаться к... к себе, к свободе, что ли...

**МН:** Обрести свободу через подавление, пусть даже бесталанности?

— Не знаю. Честно, не знаю. Тут я вспоминаю. Аллу Пугачеву. Мы были хорошими друзьями, но сейчас это как-то ушло. Может, потому, что она всегда ставит перед собой барьеры, преодоление которых требует переступить через других. Это большая внутренняя трагедия — манера подавления. А себя уважающие люди не дают этого понять, но отходят. Хотя ее творческая сила... это черт знает что!

**МН:** Зритель увидит вас вместе?

— Я бы с удовольствием вышел. Сцена все же яд. Если ты отравился, то это смерть при жизни. Я даже иногда вижу, как бы мы обыграли «Маэстро» или «Миллион роз». Знаете, как это умеют делать американцы?..